

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ГЗ8

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *Яны Паламарчук*

Редактор серии *А. Антонова*

Германов, Майк.

ГЗ8 Черный свет / Майк Германов. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Опасный прием).

ISBN 978-5-04-107757-0

Старший лейтенант Валерий Самсонов идет по следу изощренного кровожадного убийцы, от рук которого уже погибли два сотрудника фармацевтической компании. Кто-то планомерно и жестоко убивает тех, кто имеет отношение к операции «Ультрафиолет» — разработке уникального лекарства. Но что-то у ученых пошло не так, и вместо нужного препарата они создали смертельное оружие, материалы по которому ни в коем случае не должны попасть в чужие руки. Самсонов должен во что бы то ни стало предотвратить новые жертвы, но дело осложняется тем, что расследование курируют неприметные люди из спецслужб — на кону безопасность страны...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Германов М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107757-0

Ибо нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным,
ни сокровенного, что не сделалось бы
известным и не обнаружилось бы.

(Лука, 8—17)

Глава 1

ОЖИДАНИЕ

Это была прекрасная лампа. Просто замечательная. Ее полукруглый абажур, разделенный на ячейки, отбрасывал на стены разноцветные световые пятна и напоминал человеку волшебный фонарь. В детстве у него был такой. Отец сделал его из фанеры и гибких светофильтров — он работал осветителем в театре.

Человек встал и подошел к стене, на которой лежали синие и желтые пятна. Провел ладонью по шероховатой поверхности войлока, которым было обито помещение. Затем повернулся и приблизился к мужчине, лежащему на металлическом столе.

Тот был полностью обнажен, его волосатая грудь судорожно и неритмично вздымалась — словно он не мог дышаться.

Человек взял с покрытого полотенцем табурета нож и склонился над искаженным ужасом лицом.

Мужчина был привязан к столу широкими ремнями и мог только извиваться. На его покрытом мурашками теле уже виднелись две длинные раны: одна шла над соском, обнажая мышцы, другая — чуть выше, параллельно первой. Она была глубже, и между ее алыми краями белели ребра. Человек начал с этих чувствительных мест, потому что рассчитывал быстро покончить с делами, но мужчина оказался крепче, чем он думал. Теперь придется заняться внутренней стороной бедер.

— Если боль не убедит тебя, — тихо проговорил человек, приставляя острое ножа к коже в области чуть ниже паха, — я разверну стол вертикально и придвину тебя к зеркалу. Здесь есть большое зеркало от Фьюденсена, в него тебя будет видно целиком. И тогда я начну наносить тебе маленькие раны — одну за другой, а ты станешь наблюдать за тем, как кровь покидает тебя по капле. Это будет длиться долго, и в конце концов ты ужаснешься тому, что тебя ждет. И все расскажешь. А если нет, я буду отрезать от тебя куски. И тогда ты не выдержишь. Ты ведь ученый, а не солдат и не герой. Все выложишь! Но жизнь уже покинет тебя. — Человек слегка надавил на кожу, и из-под острия показалась кровь. — Эта пытка называется по-китайски «Линчи», а по-русски — «смерть от тысячи порезов». Правда, в древности жертв накачивали опиумом, я же не так милосерден. — С этими словами человек вонзил клинок в плоть почти до середины.

Мужчина заорал, язык метался между его желтыми зубами.

Человек наблюдал за ним, впиваясь взглядом в расширившиеся от боли зрачки. В них плясали разноцветные огоньки настольной лампы. Это было завораживающе.

Человек начал проворачивать нож, раздвигая края раны. На стол потекла кровь, мужчина забился, но ремни сильно ограничивали его движения. На лодыжках и запястьях, где они держали его, показались алые пятна.

— Я тебе расскажу, что тебя ждет, — пообещал человек, медленно вынимая нож.

Он взял с табурета пластырь и залепил края раны, чтобы кровь не текла слишком быстро.

— Сначала я отрежу брови, затем соски, потом, если ты еще будешь упираться, обмотаю тебя сеткой и тут уж примусь за дело всерьез. — Человек взял металлические щипцы и продемонстрировал привязанному мужчине. — Стянув сетку потуже, я буду вытаскивать сквозь ее ячейки вот этим инструментом куски твоей плоти и отрезать

их, — пообещал он. — Раньше палач мог проделывать такое целый день. Я не мастер, так что растянуть надолго не удастся. Думаю, часа два-три, и ты сдохнешь! — Человек снова начал вонзать нож в бедро своей жертвы, наблюдая за ее муками и слушая крики. — Китайцы верили, что в загробной жизни человек будет выглядеть так же, как в момент смерти, — сказал он в самое ухо мужчины, — так что никто не желал подвергнуться казни Линчи. Ведь в конце отрезают руки и ноги, а ползать целую вечность по аду в виде обрубка — участь незавидная!

Еще одна серия воплей ознаменовала проникновение лезвия ножа глубоко в плоть.

— Ты скажешь мне то, что я хочу знать? — спросил человек почти ласково.

Мужчина замер, словно обдумывая ответ, а потом отрицательно замотал головой. И все же его воля и способность противиться боли таяли, и человек с ножом это видел. Он снова принялся за дело, покрывая наиболее чувствительные места глубокими разрезами.

— Ты скажешь мне то, что я хочу знать? — повторил свой вопрос человек через несколько минут.

— Да!!! — Казалось, ответ издало нечеловеческое существо, столько боли и отчаяния слышалось в нем.

Человек с удовлетворением поднял глаза на световые пятна, покрывавшие войлочные стены комнаты. Он знал, что так будет: так бывало всегда!

— При помощи Линчи казнили предателей и отцеубийц, — проговорил человек, не глядя на свою жертву. — Я рад, что ты вовремя одумался.

Но вопреки словам в его голосе звучало сожаление.

* * *

Помещение было складом, но сейчас пустовало.

Вернее, оно было битком набито людьми — просто в нем не было товаров. Голые бетонные стены, налив-

ной пол и крошечные окошки с толстыми решетками под крышей — вот где проходили подпольные боксерские матчи, на которые пришел Валерий Самсонов, чтобы сделать ставку на местного чемпиона в тяжелом весе Василия Рубцова.

Сейчас боксер отдыхал в перерыве между раундами в синем углу, но вот прозвенел гонг, и спортсмен резво подскочил и вышел в центр ринга.

Самсонов в очередной раз взглянул на зажатый в руке талон. Он поставил пять тысяч на то, что противник Рубцова Максим Тарский ляжет в шестом раунде.

Сейчас шел пятый.

Вокруг бесновалась толпа, все толкали друг друга и не обращали на это внимания, потому что взгляды были прикованы к ограниченному канатами квадрату в центре арендованного на один день склада.

Первый раунд боксеры провели, пытаясь раскусить друг друга. Они обменивались осторожными ударами, из которых лишь несколько достигли своей цели: Рубцов пробил прямой левой в челюсть и провел серию ударов в корпус противника. Двигался он легко, несмотря на значительный вес.

Тарский казался не таким пластичным. Он походил на покрытого татуировками медведя, но хорошо работал боковыми и пару раз достал ими Рубцова в скулу и по ребрам.

Во втором раунде Тарскому удалось добиться небольшого преимущества, осыпая Рубцова сериями изматывающих ударов по корпусу. Самсонов знал, что они, хотя и выглядят не очень-то эффектно со стороны, здорово сбивают дыхание, а поэтому весьма опасны.

Тем не менее до четвертого раунда оба спортсмена продержались без нокаутов и нокаута, хотя после удачного апперкота, который провел Рубцов в третьем раунде, Тарского заметно пошатывало. И все же он собрался и выстоял. Однако у Самсонова были большие

сомнения насчет того, что он сможет полностью восстановиться.

Беспокоило одно — как бы он не рухнул в пятом, а не в шестом раунде. Тогда с денежками можно попрощаться.

Самсонов машинально взглянул на талон. Он уже продел сегодня две ставки в менее зрелищных и более коротких боях легковесов — всего восемь тысяч. Не хотелось бы расстаться еще и с этими деньгами.

В начавшемся пятом раунде Рубцов уделил основное внимание защите. Избегая боковых ударов противника, он провел несколько хуков по корпусу, правда, потом пропустил прямой в лицо, но успел вовремя отклониться, так что удар получился смазанным.

Раунд закончился, и по очкам, на взгляд Самсонова, лидировал Рубцов, но для него имела значение не победа одного из боксеров, а только ляжет ли Тарский в следующем раунде. Такие ставки приносили большие выигрыши, и Самсонов предпочитал чередовать их со ставками на победу.

Сидевший рядом с ним обильно потеющий мужик, сжимавший в руках бумажный стакан с пивом (в бутылках здесь напитки не продавали, чтобы их не бросали на ринг), громко рыгнул и проговорил, обращаясь к своему приятелю, нервно курившему сигарету за сигаретой:

— Рубцов сделает его, вот увидишь! Тарский уже еле на ногах держится. Если он пропустит еще один-два удара в голову, ему конец.

— У него сильный прямой, — возразил приятель, не поворачивая головы.

Должно быть, он поставил на Тарского.

— Он слишком часто промахивается, — сказал сосед Самсонова, отхлебнув пива. — Вкладывает в каждый удар все силы, а они летят впустую. Еще немного, и он выдохнется.

Самсонов был с ним согласен. Главное, чтобы это произошло в шестом раунде.

Гонг вызвал боксеров на ринг, и те поднялись со своих табуретов.

На первой же минуте Тарский пробил мощный прямой удар левой в бровь. Появилось рассечение, потекла кровь. Через некоторое время Рубцову удалось ответить серией стремительных ударов по корпусу и одним смазанным боковым в ухо. Тарский попытался провести еще один прямой — на этот раз в подбородок, но Рубцов прикрылся и тут же перешел в атаку. Тарский пропустил прямой удар правой в челюсть, пошатнулся, и Самсонов уже решил было, что он сейчас рухнет, но боксер устоял и ловко ушел от апперкота, которым попытался добить его противник. Тем не менее у него текла изо рта кровь: губы были разбиты, возможно, удар повредил и зубы, несмотря на капу.

Дальше Рубцов и Тарский обменивались ударами, ныряли, уворачивались и уходили от атак друг друга, пытались достать противника, если он открывался, даже пару раз оказались в клинче, но в целом раунд продолжался довольно вяло и вообще должен был скоро закончиться.

Самсонов беспокойно поглядывал на часы: оба противника были на ногах, а это значило, что его денежки вот-вот растают, как дым.

За тридцать секунд до конца раунда Рубцов нанес Тарскому удар в солнечное сплетение, заставив его согнуться, затем — резкий хук в печень и мощный боковой в челюсть. Прозрачная капя вылетела, и Тарский, безвольно опустив руки, рухнул на пол. Изо рта у него хлынула кровь, заливая ринг. Кажется, несколько зубов тоже оказались в луже.

Самсонов едва сдержался, чтобы не вскочить со своего места.

На счете «семь» Тарский начал подниматься, и ему это удалось, но видно было, что продолжать бой он не сможет.

Его челюсть безвольно болталась, изо рта продолжала литься кровь. Он отхаркнулся, и на пол вылетело несколь-

ко зубов. Рефери показал ему на пальцах счет, поводит рукой из стороны в сторону и, убедившись, что боксер не реагирует, поднял руку Рубцова.

Зрители с радостными криками вскакивали с мест, размахивая бумажными стаканчиками и расплескивая пиво во все стороны. Сосед Самсонова повернулся к своему приятелю, чтобы проорать тому в ухо, что он так и знал.

Ведущий, в синем костюме с блестками и сверкающих лакированных ботинках, призвал зрителей успокоиться, после чего объявил, что рефери остановил бой через пять минут сорок девять секунд после начала шестого раунда. Техническим нокаутом победил Василий Рубцов.

Самсонов его уже не слушал: он протискивался к окошку букмекера, чтобы обменять талон на двадцать тысяч. Вокруг толкались зрители, некоторые направлялись на улицу, чтобы отлить, другие — покурить на свежем воздухе, третьи шли за новой порцией пива. Человек пятьдесят занимали очередь к букмекерам. Самсонову повезло, и он оказался ближе других к окошкам, поэтому получил свои деньги минут через пять.

Он решил, что на сегодня хватит с него зрелищ, да и испытывать удачу больше не стоит. Надо знать меру и не наглеть.

Самсонов вышел на улицу и вытер с лица испарину.

На городе лежал туман — сегодня он был довольно жидкий и доходил до щиколотки, словно сценический дым, окутывая колеса автомобилей и бордюры. Сверху нависало серое небо, полное непролившегося дождя. Казалось, если тучи опустятся чуть ниже, то напорются на шпили и антенны и лопнут, разразившись невиданным ливнем. Воздух при этом был спертый, тягучий, как карамель.

Самсонов направился к своей машине, припаркованной среди других автомобилей. Всего вокруг склада

их было около пятидесяти. Те, кому не хватило места за ограждением, оставили свои тачки снаружи, под присмотром охранников, которые в первую очередь следили за тем, чтобы все было спокойно, а также должны были заранее предупредить о прибытии полиции, если она вдруг появится.

Самсонов сел в черно-желтый «Олдсмобиль», протюнингованный им лично так, чтобы можно было участвовать в гонках хот-роадов. Сейчас возвышающаяся над капотом часть мотора была снята и убрана до следующего ралли. Самсонов планировал участвовать в нем, тем более что предпоследнее ему удалось выиграть. Он хорошо помнил тот раз, потому что на финише ему позвонил Башметов и срочно вызвал в управление. Потом журналисты окрестили убийцу Дождевиком. Не самое удачное прозвище, на взгляд Самсонова.

Старший лейтенант завел мотор, включил музыку — «Лето в городе» Квинси Джонса — и посидел минуту, просто наслаждаясь мелодией. Пачка банкнот приятно оттягивала карман.

Сегодня выдался удачный день. Выиграть удавалось редко, чаще деньги утекали сквозь пальцы.

Самсонов заметил тень в окне и, повернув голову, встретился взглядом со своим недавним соседом. Тот быстро наклонился и взялся за ручку двери. Полицейский не заперся, и через миг она резко распахнулась.

В салон проникла рука и схватила Самсонова за шиворот. Нападавший потянул на себя, вытаскивая его из салона. Первым порывом полицейского было ухватиться за руль, но он тут же сориентировался и позволил выволочь себя наружу.

Как только он оказался на асфальте, нападавший нагнулся, чтобы ударить его кулаком в лицо. Самсонов ожидал этого и потому легко отбил попытку, одновременно нанеся ответный удар ногой по голове противника. Тот отшатнулся, и это позволило Самсонову пере-

вернуться и броситься на нападавшего, целя головой в живот.

Полицейский буквально поддел противника и бросил его на соседний автомобиль. Не давая ему опомниться, Самсонов дважды ударил в лицо, затем подсек ударом по лодыжкам, и грабитель рухнул на землю. Полицейский, чувствуя азарт, двинул ему носком ботинка по ребрам и уже собирался повторить, когда опомнился: противник лежал практически без чувств, с окровавленным лицом. Во рту у него что-то булькало.

Самсонов заметил спешащего к нему охранника, настроенного самым серьезным образом. Меньше всего он хотел что-то объяснять и доказывать, поэтому быстро нырнул в «Олдсмобиль» и дал газу. Он вырулил с парковки как раз в тот момент, когда подбежавший охранник попытался обогнуть его и заблокировать собой выезд. Самсонов опередил его на несколько секунд и рванул вперед, мимо рядов припаркованных машин. Он не боялся, что номер «Олдсмобилia» запишут, потому что все, что происходило на территории склада, было нелегально, и жаловаться никому не пришло бы в голову.

Самсонов собирался заглянуть по дороге в бар, опрокинуть пару стаканов вискаря, чтобы успокоить нервы, но потом передумал и решил сразу отправиться домой: ему хотелось выспаться перед началом рабочей недели. Ведь неизвестно, что ждет тебя наутро в «Серийном отделе» — может, бездарно убитые часы, проведенные за разговорами, чаем и рутинной возней с бумажками, а может, в течение ближайшего времени удастся лишь урывками подремать.

Самсонов подумал об этом с надеждой, но тут же тяжело вздохнул: надо смотреть правде в глаза. В России серийные убийцы встречаются не так уж часто, и большую часть времени приходится заниматься вовсе не их поисками, а составлением профилей, психологических портретов, поисковых программ и так далее в том же духе.

Ну, и, конечно, учиться. Количество курсов и стажировок, которые за последние годы прошел старший лейтенант, не поддавалось подсчету.

Полицейский проехал белую церковь с высоким крыльцом и треугольным портиком, над которым гордо возвышался световой барабан, увенчанный золотым куполом. Вокруг него красовались четыре маковки поменьше, а справа в небо устремилась тонкая часовня с серым колоколом.

Самсонов Богу не молился — разве что раз в год за сестру, погибшую много лет назад, — но в высшую справедливость верил. Не столько в ее существование, сколько в ее необходимость. И себя рассматривал как часть той силы, что восстанавливает в мире баланс между добром и злом.

Иногда ему снилось, что вселенная — это хрустальный шар, стоящий всего на двух стеклянных подпорках. Они очень длинные и тонкие, но пока вес распределен между ними равномерно, шару ничего не грозит. Однако стоит одной из них лопнуть, как вторая неизбежно ломается вслед за первой, и мир падает, чтобы рано или поздно достичь дна и разлететься на миллиарды осколков. Это падение может длиться очень долго и оставаться незаметным для обитателей шара, но катастрофа непременно произойдет.

Самсонов сделал музыку погромче и остановился на красный свет, отбивая пальцами такт на руле.

Он терпеть не мог сидеть в кабинете. Было время, когда начальник отдела, Башметов, пытался убедить своего сотрудника, что старшему следователю надлежит координировать работу оперов, а не бегать по городу с «макаровым» под мышкой, но потом он бросил это неблагоприятное занятие и позволил Самсонову работать так, как тому нравилось.

Полицейский предпочитал принимать в следствии непосредственное участие, работать «на земле», а не отси-

живаться в душном тесном кабинете. И коллеги уважали его за это, потому что знали: Самсонов всегда примет основной огонь на себя, первым ринется туда, куда никто лишний раз сунуться не захочет. И, помня об этом, они не могли позволить себе спасовать и отступить.

* * *

Самсонов открыл глаза и почти минуту смотрел в белый потолок, в центре которого висела старая, запыленная люстра на три плафона (надо бы ее поменять или хотя бы протереть). Затем он поднял левую руку и взглянул на часы «Casio G-shock». Его разбудил их звуковой сигнал. Табло показывало 8.32 утра.

Самсонов откинул одеяло, спустил ноги на прохладный паркет и поплелся босиком в ванную. Там он быстро умылся, почистил зубы и вышел, растираясь жестким полотенцем.

Несмотря на грандиозный план хорошенько выспаться, лег он поздно (позвонили родители, и он проговорил с ними до часу ночи), и потому проснуться было нелегко.

Самсонов решил, что ему поможет кружка крепкого черного кофе. Обычно он пил кофе только утром, чтобы взбодриться, а в течение дня употреблял чай. На обед — черный, а на ужин — зеленый.

С некоторых пор он даже увлекся коллекционированием чаев. В кухонном шкафу громоздились картонные и жестяные банки всевозможных форм, размеров и расцветок. Знакомые и коллеги, зная о хобби Самсонова, привозили ему из поездок чайные сувениры — ситечки, заварочные чайники, необычные ложечки и так далее. Все это он аккуратно складывал, распределяя по ячейкам верхнего ящика.

Сварив кофе, Самсонов съел половину яблока и несколько слив, потом сделал бутерброд с копченой колбасой и съел его, прихлебывая обжигающий напи-